

ЦИФРОВЫЕ ЭКОСИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ: АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОДХОДОВ

Гулемин Артем Николаевич

Доцент кафедры информационного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук,
ORCID: 0000-0003-0876-3849, e-mail: artem_gulemin@mail.ru.

В статье исследуются понятие, характеристики и особенности правового регулирования цифровых экосистем в России и за рубежом. Автор отмечает, что цифровые экосистемы, объединяющие разнообразные сервисы и технологии в единой платформе, становятся важной частью глобальной экономики, однако их стремительное развитие вызывает ряд вопросов. В работе анализируются подходы к регулированию цифровых экосистем в разных странах, включая Европейский союз, Китай и Россию, с акцентом на аспекты защиты данных, конкуренции и инновационного развития. Обсуждаются особенности цифровых экосистем, а также их отличия от традиционных групп компаний. Автор подчеркивает необходимость разработки комплексного нормативного акта для регулирования цифровых экосистем, учитывающего вопросы защиты данных, антимонопольного регулирования, прозрачности алгоритмов и прав потребителей. Особое внимание уделяется зарубежному опыту и перспективам адаптации российского законодательства к современным технологическим реалиям. Для эффективного правового регулирования предлагаются такие меры, как внедрение «регуляторных песочниц», создание специализированного регулятора и стимулирование саморегулирования отрасли. Исследование направлено на выявление пробелов и разработку рекомендаций по совершенствованию законодательства в условиях стремительного технологического прогресса.

Ключевые слова: цифровая экосистема, инновации и технологии, защита персональных данных, конкуренция в цифровой среде, гармонизация законодательства

Для цитирования: Гулемин А. Н. Цифровые экосистемы в современном праве: анализ национальных и международных подходов // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 5. С. 27–36. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_5_27.

DIGITAL ECOSYSTEMS IN MODERN LAW: ANALYSIS OF NATIONAL AND INTERNATIONAL APPROACHES

Gulemin Artem

Associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg),
candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0003-0876-3849, e-mail: artem_gulemin@mail.ru.

The article examines the concept, characteristics and features of the legal regulation of digital ecosystems in Russia and abroad. The author notes that digital ecosystems, combining various services and technologies in a single platform, are becoming an important part of the global economy, but their rapid development raises a number of questions. The work analyzes approaches to regulating digital ecosystems in different countries, including the European Union, China and Russia, with an emphasis on aspects of data protection, competition and innovative development. The features of digital ecosystems are discussed, as well as their differences from traditional groups of companies. The author emphasizes the need to develop a comprehensive regulatory act to regulate digital ecosystems, taking into account issues of data protection, antitrust regulation, transparency of algorithms and consumer rights. Particular

attention is paid to foreign experience and prospects for adapting Russian legislation to modern technological realities. For effective legal regulation, measures such as the introduction of «regulatory sandboxes», the creation of a specialized regulator and stimulation of industry self-regulation are proposed. The study aims to identify gaps and develop recommendations for improving legislation in the face of rapid technological progress.

Keywords: digital ecosystem, innovation and technology, personal data protection, competition in the digital sphere, harmonization of legislation

*For citation: Gulemin A. (2024) Digital ecosystems in modern law: analysis of national and international approaches. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 5, pp. 27–36, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_5_27.*

Понятие «цифровая экосистема» появилось в научных трудах по юриспруденции относительно недавно и определялось (впрочем, и определяется) разными авторами по-разному с учетом задач, которые они ставили перед собой в исследованиях. В контексте государственного управления была сформулирована идея, что цифровая экосистема – это «сложная динамическая система, состоящая из человеческого общества и цифровой среды его обитания»¹, понятие было тождественным понятию «инфраструктура электронного правительства»², закрепленному в Стратегии развития информационного общества³. В сфере частного права поднимались вопросы о соотношении понятий «цифровая экосистема» и «цифровая платформа»⁴. Не имея целью подвергнуть критике эти исследования, заметим, что полноценного определения явлению так и не было дано, хотя цифровые экосистемы стали неотъемлемой частью глобальной экономики и в настоящее время оказывают существенное влияние и на бизнес-процессы, и на государственное управление, и на повседневную жизнь граждан, объединяя миллионы пользователей по всему миру, создавая новые возможности для взаимодействия и обмена информацией.

Возрастающая роль цифровых экосистем обусловлена их способностью быстро адаптироваться к потребностям рынка, предоставляя инновационные услуги и продукты. Однако их стремительное развитие порождает ряд правовых и этических вопросов. В частности, возникает необходимость обеспечения защиты персональных данных, соблюдения антимонопольного законодательства и гарантирования прав потребителей в цифровой среде. Поэтому эффективное правовое регулирование цифровых экосистем становится критически важным для обеспечения баланса интересов государства, бизнеса и гражданского общества.

Цель исследования – анализ правовых подходов к регулированию цифровых экосистем в России и за рубежом для выявления эффективных механизмов и разработки рекомендаций по совершенствованию российского законодательства.

Задачи исследования включают определение сущности и особенностей цифровых экосистем, их ключевых характеристик, влияния на традиционные правовые институты; анализ российского и зарубежного законодательства для оценки его эффективности и выявления существующих пробелов и коллизий; проведение сравнительного анализа и разработку рекомендаций по совершенствованию российского законодательства с учетом мировых тенденций и национальных особенностей.

Понятие и признаки цифровой экосистемы

Допуская использование понятия «цифровая экосистема» в широком смысле и применение его к процессам государственного управления, для целей исследования

¹ Фетюков Ф. В. Обеспечение безопасности цифровой экосистемы: теоретико-правовые перспективы взаимодействия гражданского общества и государства // Евразийский юридический журнал. 2020. № 5(144). С. 85–86.

² Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Правовые аспекты применения технологии распределенных реестров для формирования новой среды доверия в обществе // Гражданское право. 2018. № 5. С. 3–8.

³ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».

⁴ Чеховская С. А. Новые контуры корпоративного права // Предпринимательское право. 2018. № 3. С. 31–41.

предлагаем определить его как новую платформенную модель ведения бизнеса в цифровом пространстве, позволяющую повышать эффективность процессов и предоставлять потребителям более персонализированные и удобные услуги. Подобное описание дается в Концепции общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «Экосистемы»¹.

Наиболее заметными примерами крупнейших цифровых экосистем в России являются, например, экосистема Сбера (Сбербанк), предлагающая не только финансовые услуги, но и решения в сфере технологий, медицины, образования; экосистема Яндекса, включающая сервисы от поисковой системы до беспилотных автомобилей; экосистема VK (бывший Mail.ru Group), объединяющая социальные сети, мессенджеры, игровые и другие сервисы; экосистема МТС, расширившая свои услуги за пределы телекоммуникаций и предлагающая цифровые сервисы в различных областях; экосистема Wildberries, объединяющая интернет-магазин, финансовые услуги и логистическую сеть. Эти и множество других компаний по всему миру, трансформировавших традиционную форму ведения бизнеса в цифровую и экосистемную, к 2030 г. будут контролировать треть всего мирового объема продаж².

Во-первых, новизна этой модели может быть определена интеграцией различных услуг и продуктов в единую платформу, объединяющую множество разнородных сервисов в единой цифровой среде. Это позволяет потребителям получать доступ к широкому спектру услуг через одну платформу или приложение. Во-вторых, с ростом числа пользователей и партнеров ценность экосистемы возрастает экспоненциально, порождая сетевые эффекты, когда каждый новый участник добавляет ценность для остальных, стимулируя дальнейший рост и вовлеченность, создавая тем самым устойчивое конкурентное преимущество для экосистемы³. Кроме того, цифровые экосистемы собирают и анализируют большие объемы данных о поведении и предпочтениях пользователей. Аналитика данных становится ключевым элементом бизнес-модели, позволяя компаниям предлагать персонализированные услуги и продукты. Экосистемы поощряют создание партнерских отношений с другими компаниями, разработчиками и поставщиками услуг, а их модульная структура и использование облачных технологий позволяют быстро адаптироваться к изменениям рынка и масштабироваться без значительных дополнительных затрат, внедряя новые сервисы и интегрируя партнерские продукты с минимальными усилиями. Новизна обнаруживается и в разнообразных моделях монетизации, включающих комиссионные за транзакции, подписки, рекламу, продажи данных и др. Это позволяет диверсифицировать источники дохода и создавать устойчивые бизнес-модели.

На первый взгляд модель цифровой экосистемы схожа с существующей в отечественной юридической практике моделью группы компаний. И хотя законодательно второй термин также не определен⁴, однако в науке сложилось его понимание как не являющегося юридическим лицом объединения юридических лиц, связанных отношениями значительного влияния или контроля⁵. Стоит ли в таком случае плодить сущности и вводить новое понятие? Имеет ли оно существенные признаки, позволяющие заявлять о необходимости его использования? Мы можем выделить несколько важных особенностей, позволяющих разделить эти две модели для более четкого правового регулирования цифровой экосистемы как технологической среды взаимодействия бизнеса и потребителя:

1) по своей организационной структуре и способам взаимодействия участников цифровая экосистема представляет собой сеть компаний, продуктов и сервисов, ор-

¹ Документ опубликован на сайте Министерства экономического развития РФ 21 мая 2021 г. // URL: https://economy.gov.ru/material/departments/d31/konceptiya_gos_regulirovaniya_cifrovyyh_platform_i_ekosistem/ (дата обращения: 27.11.2024).

² Growth and resilience through ecosystem building. May 23, 2023. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/growth-marketing-and-sales/our-insights/growth-and-resilience-through-ecosystem-building> (дата обращения: 27.11.2024).

³ Сафина Г. Р. Особенности функционирования бизнес-моделей, основанных на цифровых технологиях // Экономика и предпринимательство. 2023. № 7(156). С. 1289–1292.

⁴ Карелина С. А. К вопросу о преюдициальной силе решений, вынесенных по налоговым правонарушениям, и возможности их применения в делах о несостоятельности (банкротстве) // Право и бизнес. 2020. № 1. С. 16–22.

⁵ Полякова В. Э. Группа компаний: понятие, особенности правового положения // СПС «КонсультантПлюс». 2019.

ганизованную вокруг цифровой платформы или центрального сервиса, где участники объединены не столько общей собственностью, сколько технологией и данными. Она часто включает внешних партнеров, которые могут встраивать свои продукты и сервисы, расширяя экосистему, а участники в ней взаимодействуют друг с другом, а не только с головной организацией. Группа компаний, в свою очередь, представляет собой объединение нескольких юридически и управленчески независимых компаний под единым контролем, в ней каждый участник выполняет свои уникальные функции, координируемые управляющей компанией;

2) для взаимодействия с клиентами цифровая экосистема создает единое пространство (платформу, приложение, веб-сайт), где клиент может получить доступ ко множеству услуг сразу, что позволяет создать целостный и персонализированный пользовательский опыт, который нацелен на удержание клиентов и повышение лояльности. В этом отличие от группы компаний, где взаимодействие с клиентом обычно происходит через каждый бизнес по отдельности;

3) обеспечивая технологическую интеграцию, цифровая экосистема строится на основе единой цифровой инфраструктуры, что позволяет участникам обмениваться данными и ресурсами в реальном времени. Хотя участники группы компаний могут использовать общие информационные системы, каждая компания часто имеет собственные внутренние процессы и технологии;

4) в группе компаний каждая компания чаще всего генерирует доход за счет продаж собственных товаров или услуг, в то время как цифровая экосистема, как было сказано выше, зарабатывает за счет сетевого эффекта и создания добавленной ценности для клиента путем интеграции различных сервисов, с каждым новым пользователем или партнером ценность экосистемы возрастает для всех ее участников;

5) внедрение инноваций в группе компаний требует времени и согласования с другими компаниями группы и управления изменениями в каждой из них, в отличие от более гибкой цифровой экосистемы, которая изначально строится вокруг цифровой платформы и позволяет легко добавлять новые сервисы и партнеров.

Разница в моделях ведения бизнес-процессов (цифровая экосистема направлена на создание сетевой платформы с множеством продуктов и услуг, обеспечивающей единый и удобный пользовательский опыт¹, а также вовлекающей внешних партнеров для расширения возможностей системы) позволяет нам выделить ее как самостоятельный элемент для целей в том числе правового регулирования и предложить следующее определение: цифровая экосистема – это совокупность взаимосвязанных информационных технологий, платформ, приложений и сервисов, которые взаимодействуют друг с другом для предоставления комплексных цифровых услуг пользователям, разработчикам и участникам.

К основным характеристикам цифровой экосистемы мы можем отнести:

взаимосвязанность: все элементы экосистемы тесно интегрированы между собой посредством цифровых технологий;

открытость и масштабируемость: возможность подключения новых участников, расширения функциональности, адаптации к требованиям рынка без существенных изменений архитектуры;

платформенность: наличие центральной платформы, которая объединяет участников и обеспечивает их взаимодействие в развитии сервисов;

сетевой эффект: ценность экосистемы возрастает с увеличением числа ее участников и взаимодействий между ними;

инновационность: стимулирование создания новых продуктов и услуг через сотрудничество и обмен информацией между участниками.

Как отметила А. Ю. Бурова, цифровая экосистема сама по себе субъектом, а тем более субъектом права, не является, поскольку в ее рамках действуют сразу несколько категорий самостоятельных субъектов². Допускаем, однако, что вопрос признания ее в качестве самостоятельного субъекта с особым правовым статусом однажды будет рассмотрен, вследствие чего может быть предложено издание специальных нормативных актов, регулирующих деятельность цифровых экосистем, устанавливающих

¹ Бурова А. Ю. Цифровая экосистема как способ ведения предпринимательской деятельности: юридический взгляд // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 11(156). С. 111–117.

² Там же.

единую ответственность экосистемы как целого, которое может нести ответственность за нарушения, происходящие внутри нее, а также обязанностей по защите данных, обеспечению конкуренции, прозрачности алгоритмов обработки информации и т. д.

Определяя правовой статус экосистемы с позиции гражданско-правового регулирования как совокупность договоров, регулирующих отношения между различными участниками (платформами, сервисами, партнерами, пользователями), стоит отметить явную необходимость регулирования экосистем как единого целого публично-правовыми механизмами. Учитывая значительное влияние экосистем на рынок, необходимо рассматривать их как объекты антимонопольного регулирования для предотвращения возможного злоупотребления доминирующим положением. Большие объемы персональных данных, обрабатываемых внутри экосистемы, требуют признания ее оператором персональных данных с соответствующими обязанностями. Кроме того, экосистемы должны обеспечивать высокий уровень кибербезопасности для защиты данных и инфраструктуры: установление требований о регулярном аудите и сертификации, а также обязанностей по своевременному информированию пользователей и регуляторов о компьютерных инцидентах может приравнять их к субъектам критической информационной инфраструктуры. Возможный трансграничный характер экосистем (запустить приложение онлайн-кинотеатра или вызвать такси можно, находясь в другом государстве) требует применения норм международного частного права или даже экстратерриториального¹ регулирования.

В силу сложности конструкции цифровые экосистемы не всегда вписываются в традиционные правовые категории. Их правовой статус может быть охарактеризован многоуровневостью правовых отношений, возникающих в них, когда для регулирования одновременно учитываются нормы гражданского, трудового, информационного, предпринимательского, антимонопольного и других отраслей права; трансграничностью и динамичностью, поскольку быстрое изменение технологий и бизнес-моделей требует гибкого правового регулирования. Понимание теоретических основ цифровых экосистем является ключевым для разработки эффективного правового регулирования, которое необходимо в том числе для обеспечения баланса между стимулированием инноваций и защитой прав всех участников цифрового пространства.

Правовое регулирование цифровых экосистем в России

Система нормативных правовых актов, подлежащих применению при регулировании правового положения цифровых экосистем, охватывает вопросы защиты персональных данных, электронной коммерции, финансовых технологий, интеллектуальной собственности, иные аспекты цифровой экономики, но, безусловно, не ограничивается ими.

Нормы информационного законодательства, в частности ФЗ № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 8 августа 2024 г.), устанавливая основы правового регулирования информационных правоотношений и определяют базовые принципы обработки и защиты информации. Законом введены требования к операторам связи и владельцам информационных систем (к которым следует отнести и цифровую экосистему) в части предоставления пользователям достоверной информации (ст. 10.7), основания и порядок блокирования деятельности сервисов в случае нарушения законодательства о распространении информации (в том числе ст. 15.5, определяющая порядок ограничения доступа к информации, обрабатываемой с нарушением законодательства Российской Федерации в области персональных данных), требования о нахождении в пределах территории РФ баз данных, содержащих обрабатываемые персональные данные (ст. 16).

Вопрос защиты персональных данных, на наш взгляд, является одним из наиболее актуальных в работе цифровых экосистем. ФЗ № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 8 августа 2024 г.) содержит общие положения, регулирующие обработку персональных данных во всех сервисах экосистемы. Ключевыми выступают нормы о получении явного согласия на обработку персональных данных от субъекта, требования о локализации данных на серверах, расположенных на территории России, обя-

¹ Терентьева Л. В. Экстратерриториальность в международном частном праве // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 5. С. 183–194.

занности операторов (к которым относится цифровая экосистема) по внедрению мер по защите данных и уведомлению о случаях утечки такой информации. На практике возникают проблемы с соблюдением этих требований, особенно у международных компаний, что нередко приводит к конфликтам с регуляторными органами.

Федеральный закон «Об электронной подписи» (ред. от 4 августа 2023 г.) регулирует использование электронной подписи в юридически значимых действиях и позволяет осуществлять такие действия в электронной форме внутри экосистемы.

Федеральный закон «О коммерческой тайне» (ред. от 8 августа 2024 г.) регламентирует защиту конфиденциальной информации, составляющей коммерческую тайну, а также имеет значение для защиты интеллектуальной собственности и информации внутри экосистемы.

Цифровые экосистемы часто характеризуются высокой концентрацией рынка и сетевыми эффектами, что может приводить к доминирующему положению отдельных субъектов. Поэтому их правовое регулирование должно включать нормы ФЗ «О защите конкуренции» № 135-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.), учитывающего специфические метрики, такие как доля рынка в цифровой среде, количество активных пользователей для оценки доминирующего положения¹ (ст. 10.1), устанавливающего запрет на злоупотребление доминирующим положением, приводящим к ограничению доступа к рынку другим участникам или ущемлению прав потребителей (ст. 5), в том числе в цифровой среде. Нормы закона в части контроля и одобрения антимонопольным органом сделок по слиянию и поглощению, которые могут существенно повлиять на конкуренцию, также должны распространяться на договоры по присоединению участников к цифровой экосистеме.

Гражданское законодательство определяет правовой режим цифровых прав как объектов гражданских прав и тем самым устанавливает основы для регулирования отношений, связанных с использованием цифровых активов, технологий блокчейн, что позволяет использовать технологии смарт-контрактов в бизнес-процессах цифровой экосистемы. ФЗ № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 25 октября 2024 г.) определяет правовой статус криптовалют и токенов, что также важно для финансовых технологий и экосистем, работающих с цифровыми активами. Порядок проведения электронных платежей и переводов, осуществляемых посредством финансовых сервисов экосистем, участниками которых являются операторы услуг платежных инфраструктур и операторы электронных денежных средств, в том числе вопросы безопасности и защиты пользователей, регулируются ФЗ «О национальной платежной системе» (ред. от 8 августа 2024 г.). Дистанционная торговля, выступающая, по сути, основой деятельности экосистемы, регулируется Законом РФ «О защите прав потребителей» (ред. от 8 августа 2024 г.), который определяет права потребителей при покупке товаров и услуг дистанционным способом.

Несмотря на наличие базовой законодательной платформы, в регулировании цифровых экосистем выявляются существенные пробелы и коллизии. В частности, законодательство не содержит четкого определения и признаков цифровых экосистем, что затрудняет их правовую квалификацию и регулирование; трансграничный характер многих цифровых платформ создает сложности при применении национально-го законодательства и исполнении судебных решений; инертность законодательства приводит к его недостаточной адаптации к стремительно развивающимся технологиям, применяемым в цифровых экосистемах, таким как искусственный интеллект, блокчейн, интернет вещей и др., а возникающие противоречия между положениями законов о защите персональных данных, информации и конкуренции могут создавать неопределенность для участников рынка. Постоянное обновление законодательства должно отражать стремление государства создать благоприятные условия для развития цифровой экономики², одновременно обеспечивая защиту прав граждан и национальных интересов в информационной сфере. Эффективность правового

¹ Маслов А. О. Современные концепции рыночной власти в конкурентном праве: российский и зарубежный опыт // Российское конкурентное право и экономика. 2024. № 1(37). С. 34–42.

² Кузнецов П. У. Комплексный подход к правовому регулированию общественных отношений в области цифровой экономики // Российский юридический журнал. 2018. № 6(123). С. 154–161.

регулирования цифровых экосистем, на наш взгляд, должна оцениваться с учетом специфики цифровых технологий и опыта других государств.

Зарубежный опыт регулирования цифровых экосистем

Регулирование цифровых экосистем в государствах-членах Европейского союза представляет собой сложную систему, включающую общеевропейские нормативные акты и национальные законы. Эти нормы направлены в первую очередь на обеспечение безопасности и защиты прав пользователей, поддержание честной конкуренции и стимулирование инноваций в цифровой сфере. Так, в 2022 г. Европейский союз принял два основополагающих акта в сфере правового регулирования цифровых рынков: Digital Services Act¹ (DSA) и Digital Market Act² (DMA). Оба акта направлены на создание безопасного, прозрачного и справедливого цифрового пространства, где защищены права пользователей и обеспечена честная конкуренция между компаниями. Продолжая принципы, закрепленные Общим регламентом по защите данных (General Data Protection Regulation³), который стал одним из наиболее всеобъемлющих актов в области защиты персональных данных в мире, DSA и DMA обеспечивают безопасность и защиту пользователей от незаконного контента, товаров и услуг в онлайн-среде, создают равные условия для всех участников рынка, особенно для малых и средних предприятий, стимулируя инновации и развитие цифровой экономики, облегчают трансграничное предоставление услуг. Акты направлены на предотвращение антиконкурентной практики крупных платформ и создание условий для развития новых сервисов и продуктов, способствуя инновационной активности в цифровом секторе.

Аналоги отдельных положений этих актов, в частности о механизмах уведомления о незаконном контенте, правила рекламирования и таргетирования рекламы, в той или иной степени присутствуют и в законодательстве РФ. Однако акцент на правах пользователя в части большего контроля над своим онлайн-опытом, возможностей обжалования решений, принятых цифровыми платформами, понимания работы алгоритмов рекомендаций и таргетирования, а также строгие антиконкурентные требования могут быть рассмотрены в качестве направления совершенствования отечественного законодательства.

Законодательную базу Китайской Народной Республики, направленную на усиление кибербезопасности, защиту персональных данных и обеспечение национальной безопасности, составляют, в частности, Закон о безопасности киберпространства⁴, Закон о безопасности данных⁵ и Закон о защите персональной информации⁶. Эти акты устанавливают требование о хранении персональных данных, собранных на территории Китая, внутри страны, передача их за пределы государства требует оценки безопасности, проводимой государственными органами. Цифровые платформы обязаны принимать меры для предотвращения утечек, потерь или повреждений данных, а также регулярно оценивать риски, удалять незаконный или вредоносный контент и предотвращать его распространение, сотрудничать с государственными органами

¹ Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj>. (дата обращения: 27.11.2024).

² Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/1925/oj> (дата обращения: 27.11.2024).

³ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj> (дата обращения: 27.11.2024).

⁴ Cybersecurity Law of the People's Republic of China (Effective June 1, 2017) (translation) // URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-cybersecurity-law-of-the-peoples-republic-of-china-effective-june-1-2017/> (дата обращения: 27.11.2024).

⁵ Data Security Law of the People's Republic of China (Effective Sept. 1, 2021) (translation) // URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-data-security-law-of-the-peoples-republic-of-china/> (дата обращения: 27.11.2024).

⁶ Personal Information Protection Law of the People's Republic of China (Effective Nov. 1, 2021) (translation) // URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-personal-information-protection-law-of-the-peoples-republic-of-china-effective-nov-1-2021/> (дата обращения: 27.11.2024).

по вопросам национальной безопасности, предоставляя доступ к данным при необходимости. Жесткие требования к локализации данных и сертификации, а также ограничения на импортные технологии, с одной стороны, создают дополнительные барьеры для иностранных цифровых платформ, стремящихся работать на китайском рынке, а с другой – способствуют развитию и быстрой адаптации отечественных технологий и экосистем. Также законы затрагивают использование автоматизированных решений и алгоритмов, требуя обеспечения прозрачности и недопущения дискриминации. Такие меры, безусловно, повышают уровень доверия пользователей и способствуют созданию безопасной цифровой среды, хоть и создают дополнительные сложности и расходы для бизнеса.

Мы можем обнаружить, что зарубежный опыт показывает разнообразие подходов к регулированию цифровых экосистем, обусловленное национальными приоритетами и правовыми традициями. Однако общими являются стремления государств обеспечить защиту прав граждан в части защиты их персональных данных и борьбу с незаконным и вредным контентом, поддержать честную конкуренцию и стимулировать инновации в цифровой экономике. Различия в подходах определяется степенью регуляторного вмешательства, различиями в юридических традициях и правовой культуре и, что имеет для нас наибольшее значение, приоритетами государственной политики. Одни страны базовым приоритетом называют стимулирование инноваций и развитие технологий, тогда как другие – национальную безопасность и контроль информации. Подробное изучение практик других государств может предоставить данные для совершенствования законодательной базы России.

Перспективы развития отечественного законодательства о цифровых экосистемах

Эффективное правовое регулирование цифровых экосистем требует сбалансированного подхода, направленного как на защиту прав пользователей и поддержание конкуренции, так и на стимулирование инноваций и развития рынка. Приоритетом Российской Федерации в настоящее время является обеспечение суверенитета в цифровой сфере, защита национальных интересов и контроль над информационным пространством. Российская практика показывает стремление к контролю и безопасности, но сталкивается с вызовами в области привлечения инвестиций и интеграции в глобальную цифровую экономику.

Новые технологии появляются и внедряются в бизнес-практику быстрее, чем государство успевает разработать соответствующие нормативные акты. Отсутствие четких норм приводит к правовой неопределенности, затрудняет деятельность компаний, создает риски для инвестиций и инноваций. Без должного регулирования пользователи могут оказаться незащищенными от злоупотреблений, связанных с обработкой персональных данных или киберугрозами, а судебные и регулирующие органы сталкиваются с трудностями при рассмотрении споров в цифровой среде.

Трансграничный характер цифровых экосистем вызывает сложности в определении применимого права, трудности при применении национальных судебных решений к иностранным компаниям, особенно если они не имеют представительства в стране, сложности с налогообложением цифровых услуг, предоставляемых из-за рубежа, и предотвращением уклонения от уплаты налогов. Гармонизация законодательной базы, сближение правовых норм с ведущими международными стандартами, равно как активное участие РФ в работе международных организаций по выработке правил и стандартов, могут урегулировать вопросы юрисдикции, защиты данных и налогообложения в цифровой сфере.

Для эффективного регулирования деятельности цифровых экосистем требуется динамичное и гибкое законодательство. Предлагается направить усилия на создание комплексного нормативного акта, который учитывал бы все аспекты функционирования цифровых платформ и цифровых экосистем, включая защиту данных, обеспечение конкуренции и прав потребителя, установление требований к раскрытию информации компаниями, работающими в цифровой сфере.

В таких условиях разумным может оказаться применение «регуляторных песочниц» для тестирования новых технологий под контролем. Важно, на наш взгляд, также учреждение специального регулятора, государственного органа, который будет об-

ладать компетенцией в технологических вопросах и сможет оперативно реагировать на изменения рынка, что не должно отменять идею о поддержке саморегулирования отрасли – стимулирования создания профессиональных ассоциаций и объединений, которые смогут устанавливать стандарты и нормы поведения для своих членов.

Сочетание законодательных реформ, институциональных изменений и международного сотрудничества позволит адаптировать правовую базу к современным технологическим реалиям и обеспечит баланс между стимулированием инноваций и защитой прав всех участников информационной сферы.

Список литературы

Growth and resilience through ecosystem building. May 23, 2023. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/growth-marketing-and-sales/our-insights/growth-and-resilience-through-ecosystem-building> (дата обращения: 27.11.2024).

Бурова А. Ю. Цифровая экосистема как способ ведения предпринимательской деятельности: юридический взгляд // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 11(156). С. 111–117.

Карелина С. А. К вопросу о преюдициальной силе решений, вынесенных по налоговым правонарушениям, и возможности их применения в делах о несостоятельности (банкротстве) // Право и бизнес. 2020. № 1. С. 16–22.

Кузнецов П. У. Комплексный подход к правовому регулированию общественных отношений в области цифровой экономики // Российский юридический журнал. 2018. № 6(123). С. 154–161.

Маслов А. О. Современные концепции рыночной власти в конкурентном праве: российский и зарубежный опыт // Российское конкурентное право и экономика. 2024. № 1(37). С. 34–42.

Полякова В. Э. Группа компаний: понятие, особенности правового положения // СПС «КонсультантПлюс». 2019.

Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Правовые аспекты применения технологии распределенных реестров для формирования новой среды доверия в обществе // Гражданское право. 2018. № 5. С. 3–8.

Сафина Г. Р. Особенности функционирования бизнес-моделей, основанных на цифровых технологиях // Экономика и предпринимательство. 2023. № 7(156). С. 1289–1292.

Терентьева Л. В. Экстратерриториальность в международном частном праве // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 5. С. 183–194.

Фетюков Ф. В. Обеспечение безопасности цифровой экосистемы: теоретико-правовые перспективы взаимодействия гражданского общества и государства // Евразийский юридический журнал. 2020. № 5(144). С. 85–86.

Чеховская С. А. Новые контуры корпоративного права // Предпринимательское право. 2018. № 3. С. 31–41.

References

Burova A. Yu. (2023) Tsifrovaya ekosistema kak sposob vedeniya predprinimatel'skoi deyatel'nosti: yuridicheskii vzglyad [Digital ecosystem as a way of doing business: legal perspective]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, vol. 18, no. 11(156), pp. 111–117.

Chekhovskaya S. A. (2018) Novye kontury korporativnogo prava [New contours of corporate law]. In *Predprinimatel'skoe pravo*, no. 3, pp. 31–41.

Fetyukov F. V. (2020) Obespechenie bezopasnosti tsifrovoi ekosistemy: teoretiko-pravovye perspektivy vzaimodeistviya grazhdanskogo obshchestva i gosudarstva [Ensuring the security of the digital ecosystem: prospects for interaction between civil society and the state]. In *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 5(144), pp. 85–86.

Growth and resilience through ecosystem building. May 23, 2023. Available at: <https://www.mckinsey.com/capabilities/growth-marketing-and-sales/our-insights/growth-and-resilience-through-ecosystem-building> (accessed: 27.11.2024).

Karelina S. A. (2018) K voprosu o preyuditsial'noi sile reshenii, vynesennykh po nalogovym pravonarusheniyam, i vozmozhnosti ikh primeneniya v delakh o nesostoyatel'nosti (bankrotstve) [On the preclusive effect of judgments issued in respect of tax offences and the possibility for their application in insolvency (bankruptcy) cases]. In *Pravo i biznes*, no. 1, pp. 16–22.

Kuznetsov P. U. (2018) Kompleksnyi podkhod k pravovomu regulirovaniyu obshchestvennykh otnoshenii v oblasti tsifrovoi ekonomiki [A complex approach towards the regulation of public relations in the field of digital economy]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 6(123), pp. 154–161.

Maslov A. O. (2024) Sovremennye kontseptsii rynochnoi vlasti v konkurentnom prave: rossiiskii i zarubezhnyi opyt [Modern concepts of market power in competition law doctrine: russian and some foreign jurisdictions cases]. In *Rossiiskoe konkurentnoe pravo i ekonomika*, no. 1(37), pp. 34–42.

Polyakova V. E. (2019) Gruppy kompanii: ponyatie, osobennosti pravovogo polozheniya [Group of companies: concept, features of legal status]. In *SPS «Konsul'tantPlyus»*.

Safina G. R. (2023) Osobennosti funktsionirovaniya biznes-modelei, osnovannykh na tsifroykh tekhnologiyakh [Particularity of functioning of business models based on digital technologies]. In *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, no. 7(156), pp. 1289–1292.

Sannikova L. V., Kharitonova Yu. S. (2018) Pravovye aspekty primeneniya tekhnologii raspredelennykh reestrov dlya formirovaniya novoi sredy doveriya v obshchestve [Legal aspects of application of the distributed ledger technology to establish a new environment of trust in the society]. In *Grazhdanskoe pravo*, no. 5, pp. 3–8.

Terent'eva L. V. (2021) Ekstraterritorial'nost' v mezhdunarodnom chastnom prave [Extraterritoriality in private international law]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, vol. 16, no. 5, pp. 183–194.